

ЛИЛИЯ ОРЛАНД

Агунья для

МИЛЛИАРДЕРА

Лилия Орланд

Лгунья для миллиардера

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63918211

Аннотация

Чтобы расплатиться за испорченный ковёр, стоимостью в тысячу моих жизней, я согласилась на авантюру. Мне нужно выдать себя за дочь банкира, а потом влюбить в себя и развести на деньги красавчика-миллиардера. Только вот оказалось, что мы с ним уже встречались. При весьма пикантных обстоятельствах...

Содержание

1	4
2	9
3	15
4	23
5	31
6	41
7	47
8	52
9	57
10	63
11	69
12	75
13	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Лилия Орланд

Лгунья для миллиардера

1

– Идиотка! Ты понимаешь, что наделала?! Ты хоть представляешь, сколько он стоит?! Да ты теперь двести лет будешь бесплатно работать и не рассчитаешься!

Я слушаю Стеллу, опустив глаза, и сдерживаюсь изо всех сил. Вообще-то, открытую бутылку вина в родительской спальне оставила одна из них – или Стелла, или София. Но теперь это не имеет никакого значения, потому что именно я зацепила её и залила прекрасный персиковый ковёр с мягчайшим ворсом.

– Короче, завтра вернутся предки, и я скажу маме, что ты натворила!

Нет-нет-нет! Мне очень нужна эта работа. Мне нельзя её потерять.

– Не надо! Я его вычищу! – сама слышу, как жалко это звучит.

– Персидский ковёр ручной работы? За сто пятьдесят тысяч долларов?

– Отвезу в химчистку, – голос глухой и осипший от отчаяния, потому что понимаю – уже ничто меня не спасёт.

– У тебя два варианта: купить новый или выплатить стоимость с процентами. И... мама всё равно тебя уволит, причём даст такие рекомендации, что в Москве ты больше работу нигде не найдёшь... – добивает меня Стелла.

Я стою перед ними, раздавленная, униженная, и слушаю звон – это разбиваются вдребезги мои надежды и мечты.

Дзинь – разбивается мечта поступить на Высшие курсы сценаристов и режиссёров, ради чего я и уехала в Москву, поругавшись с родными.

Дзинь – новый лэптоп, поскольку старый, на котором я пишу свои истории для будущих фильмов, держится на последнем издыхании.

Дзинь – полетел к чертям год строжайшей экономии, чтобы накопить на первый взнос по ипотеке.

Нет, я не плачу, но мама, похоже, была права – мне не стоило мечтать о несбыточном. Теперь вернусь в родной город. Каждое утро буду ходить на скучную нелюбимую работу и отдавать почти всю зарплату Тужинским за этот чёртов ковёр.

И так до конца своей жизни...

– Или... – доносится до меня сквозь этот оглушающий звон голос Софии, – ты можешь согласиться на наше предложение.

– Какое предложение? – поднимает голову надежда, отчаянно цепляясь ногтями, карабкается вверх мечта, чтобы не пропустить ни словечка из уст Тужинской.

– У нас сегодня вечеринка, подъезжай к одиннадцати, – теперь Стелла деловая и собранная, она понимает, что я проглотила наживку и с крючка уже не соскочу.

– Да, и уборка после вечеринки бесплатно, – усмехается София.

Я киваю головой. Разумеется, бесплатно. И сейчас, и в ночное время, за которое я обычно брала двойную оплату. Родители Тужинских возвращаются завтра утром, и мне придётся постараться, чтобы за несколько предутренних часов отскрести пентхаус после забав «золотой» молодёжи.

– Я согласна, – а разве у меня есть другой выбор? Есть, но о нём я не хочу даже думать.

* * *

– Думаешь, она согласится? – Стелла и София наслаждались утренним кофе. То, что время уже близилось к обеду, их совершенно не смущало.

Обе одеты в сексуальные шёлковые пижамы от известных дизайнеров. Сёстры-погодки, неуловимо похожие и одновременно разные, как зима и осень.

– Разумеется, согласится. – Стелла старше на год, но циничнее на целое столетие. Разочарование в любви сделало её несчастной, и теперь хочется, чтобы несчастны были и другие. – Эти провинциалки так боятся потерять работу, что согласятся на любые условия.

– А если Павлов на неё не клюнет? – Софии ещё свойственно сомневаться, но за старшей сестрой она пойдёт, не задумываясь.

– Клюнет, мы с тобой постараемся.

Девятнадцатилетняя София хихикает, представляя эту картину. А лицо Стеллы становится хмурым, всё же она влюблена в Александра Павлова уже два года. И в какой-то недолгий момент ей казалось, что взаимно.

Теперь ему придётся поплатиться за то, что он разбил её радужные иллюзии. И он поплатится.

А то, что может пострадать какая-то жалкая провинциалка, Стеллу совершенно не волнует.

* * *

Наконец-то иду к лифту и качу за собой чемодан. Кажется, от пятна всё же удалось избавиться. Но вечером гляну ещё раз. На всякий случай.

Чувствую себя вымотанной, сказывается нервное напряжение.

Спускаюсь на парковку и оглядываюсь по сторонам. С этим ковром совершенно забыла, где оставила велик. Нет, ну кому может прийти в голову покупать ковры в спальню за десять миллионов? Кто их там увидит, кроме уборщицы? Это ж, сколько квартир можно купить у нас в Анапе? Две так точно, и ещё на хороший ремонт останется.

Велопарковка как назло перегорожена машинами. Оставляю чемодан и пробираюсь к велику. Приходится нести его на руках над капотами дорогуших «Феррари» и «Порш Кайенов». Тяжёлый, зараза. Как бы мне ещё на пару десятков миллионов не подлететь. Или сколько там стоят эти «игрушки» богатеньких мажоров?

Фух, получилось. Ставлю велосипед на колёса, закидываю чемодан в специально для него установленную корзину и ставлю ногу на педаль. Вставляю в уши наушники и включаю любимую музыку. Нужно немного отвлечься.

Неожиданно меня пронзает острое чувство опасности, и я замираю. Даже сквозь громкую музыку в наушниках слышен гудок клаксона и резкий визг тормозов. Я успеваю только обернуться, чтобы увидеть надвигающийся на меня огромный чёрный внедорожник и бледное лицо водителя за лобовым стеклом.

Думаю, всё длится не больше секунды, но мне почему-то кажется, что мы целую вечность смотрим друг другу в глаза.

От резкого движения наушники выпали, и теперь я слышу, как отчаянно визжат шины, стараясь затормозить и не размазать меня по бетонному покрытию паркинга.

Ему почти хватило места. Точнее не хватило самую малость, каких-то нескольких сантиметров.

Удар был совсем не сильным. Даже не удар, а толчок. Но он приходится ровнохонько на заднее колесо велосипеда, на котором я сижу. В то время как одна моя нога стоит на полу, и я не успеваю её поднять.

Велик от толчка катится вперёд. Нога по инерции движется назад по бетонному покрытию. А руль уверенно уходит в сторону от всего этого безобразия. Я пытаюсь удержаться, но, нелепо взмахнув руками, лечу вперёд. Жаль, но, похоже, что я не рождена летать...

О господи! Как же больно!

Чувствую, как меня хватают сильные руки и вздёргивают вверх. Рефлекторно хватаюсь за что-то и стискиваю пальцы, даже не глядя, во что вцепилась.

Он разгибает мои пальцы, и я понимаю, что выбранная мной опора – его тёмно-серый пиджак. Это за него я цеплялась, чтобы устоять на ногах.

Смотрю на мужские руки – ладони широкие, пальцы аристократически длинные, с чуть шершавыми подушечками, как будто их обладатель занимается каким-то физическим трудом. Но при этом ухоженные, холёные, ногти сияют как терем Деда Мороза. Значит, не работа, а, скорее, хобби придало его ладоням такую притягательную шершавость.

– Отпусти! – приказывает он, но я словно во сне – могу только смотреть, но не двигаться.

Поднимаю взгляд выше. Под пиджаком – белоснежная рубашка. Две верхние пуговицы расстёгнуты. В проёме ворота виднеется загорелая шея, к которой хочется прикоснуться губами. Я понимаю, что это только рефлекс, что я всё ещё нахожусь в состоянии шока после ковра и падения, но, чёрт побери, какая же у него шея! Выше – подбородок, с проступающей синевой щетины, как будто брился он ранним утром.

Затем я вижу губы. И мне окончательно сносит крышу. Разве могут быть у мужчины такие потрясающе красивые губы? Это нужно запретить законом, иначе женщины вообще перестанут соображать, глядя на них. Как я, например.

Эти невозможные губы что-то говорят, но я почти не слышу, ошеломлённая своим открытием.

А дальше идут глаза. Ещё одно потрясение этого вечера. Они невозможно серые, как хмурое предгрозовое небо. Эти глаза словно предупреждают об опасности: «Эй, глупышка, беги скорее без оглядки! Иначе будет поздно! Тебя затянет в омут, и ты пропадёшь навсегда!»

Меня охватывает дрожь, затем ещё раз. И я с удивлением понимаю, что самый красивый мужчина в мире меня трясёт.

– Идиотка! – слушаю его раздражённый и одновременно обеспокоенный голос. – Нашла, когда заснуть!

Его грубость помогает немного прийти в себя. Отпускаю лацканы пиджака и отстраняюсь. Снова возвращается острая боль, и я опускаю взгляд.

О господи! Моё колено! Сквозь небольшую дырочку в леггинсах проступает кровь. Блин! Как же не вовремя. Но это не единственное повреждение. Кожа на ладонях содрана тонкими красными бороздками. И видимо, только из-за шока я не почувствовала этого раньше.

– Ты что, глухонемая?! – голос раздражённый, кажется, незнакомец сейчас снова начнёт меня трясти.

На всякий случай делаю шаг назад, подальше от него. Почему-то болит ещё и правая нога. Надо будет позже осмотреть её получше.

Поднимаю глаза и смотрю на самое прекрасное в мире лицо. Хотя сейчас лоб прорезала суровая складка, губы скептически изогнулись, в глазах плещется брезгливая жалость. И всё равно он прекрасен. Но почему такое красивое лицо досталось человеку с таким невыносимо грубым характером?

– Не помню, чтобы мы с вами переходили на «ты»! – огрызаюсь и делаю ещё шаг назад, потому что этот нахал действительно тянет ко мне руки, собираясь снова встряхнуть. Ну

что за грубиян!

Вместо того чтобы рассердиться на мой выпад, незнакомец улыбается, отчего его лицо становится ещё более красивым. Настоящий прекрасный принц из сказки. Вот только заносчивый и грубый. Но таковы, скорее всего, все принцы, ведь им с самого детства во всём потакают.

О боже, какие глупости приходят мне в голову! Меня оправдывает только крушение всех надежд, падение с велосипеда и состояние шока!

– Прошу прощения, леди, – произносит он с усмешкой и берёт меня за руку.

Подносит ладонь к губам, как будто собирается поцеловать, и вдруг переворачивает тыльной стороной. Затем и вторую руку. Выражение его лица тут же сменяется на обеспокоенное.

– Вы поранились, надо вызвать скорую.

Ничего не могу с собой поделать, но слов я почти не слышу, слежу за губами незнакомца. Как они изгибаются, выговаривая слова или отражая эмоции. Смысл доходит чуть позже, когда он уже достаёт телефон.

– Нет, – перехватываю его руку, заставляя посмотреть на меня, – не надо скорой. Всё в порядке.

Несколько раз киваю головой, словно убеждая нас обоих, что со мной действительно всё в порядке. А затем перевожу взгляд на валяющийся на бетонном полу чемодан.

– О нет! – неужели этот горестный вопль вырвался из мо-

его горла?

При столкновении чемоданчик выпал из корзины, и я упала на него сверху. Крышка прогнулась внутрь, порвав молнию. К счастью, ничего не выпало. Иначе я, наверное, сгорела бы от стыда.

Знаю, это смешно звучит, но мне вовсе не хотелось, чтобы этот прекрасный принц знал, чем я занимаюсь. Пусть даже мы больше никогда с ним не увидимся.

– Позвольте, я помогу.

Не дожидаясь ответа, он подхватывает чемодан. Пузырьки и флаконы внутри отзываются протестующим перестукиванием.

– Что у вас там? – удивлённо спрашивает незнакомец, явно собираясь открыть чемодан и немедля удовлетворить своё любопытство.

– Волынка! – выкрикиваю я и перехватываю его ладонь.

Мы смотрим друг другу в глаза. Наши руки соприкасаются, удерживая рукоятку чемодана. Ну же, поверь мне! Если он захочет взглянуть, я не смогу помешать. Я вижу его впервые в жизни, но совершенно уверена, что этот мужчина не приемлет слова «нет».

Его пальцы разжимаются, оставляя чемодан в покое. И только тогда я понимаю, что всё это время задерживала дыхание.

– Довольно необычно увлечение для молодой женщины, – констатирует он, разглядывая меня с возрастающим интере-

сом. – Вы здесь живёте?

– Нет, – опять отвечаю быстрее, чем успеваю подумать, – приехала в гости.

– К кому? – он допрашивает так, как будто имеет на это право. И даже не сомневается, что я немедленно отвечу.

– К друзьям, – я пытаюсь поставить чемодан на колёсики, чтобы покатить его подальше отсюда, но чувствую, как на моём предплечье сжимаются сильные пальцы.

– Куда же вы? Мы ведь только начали знакомство, – уверена, что мне чудится, но я слышу в голосе угрозу и замираю, как оленёнок в высокой траве, чуя приближение хищника.

Ну всё, сейчас он меня съест.

Резкий гудок заставляет меня встрепенуться. Пожилая дама выглядывает из окна белоснежного «Бентли», которому наша живописная группа перегородила дорогу.

– Дайте же проехать, – кричит она недовольно.

Но это уже не важно. Главное, что в её присутствии я становлюсь намного увереннее. Больше не чувствую себя загнанной в угол жертвой. Ну или почти не чувствую. Потому что взгляд незнакомца, тяжёлый, немигающий, исполненный предгрозовой тьмы, я всё же ощущаю. Спиной.

Обернуться к нему не могу. И не хочу. Почему-то боюсь снова встретиться с ним глазами. Кажется, что эта гроза захватит меня, закружит, и спасенья тогда уже не будет.

На парковке тихо. Кроме нас троих, никого. Поэтому каждый звук так отчётливо слышен. Как я поднимаю чемодан. Ставлю его в корзину. Как скрипит погнутое заднее колесо моего велосипеда, когда я качу его с проезда.

А вот это совсем некстати. Придётся везти моего коня в ремонт и временно пересесть на такси. И то, и другое серьёзно ударит по моему бюджету.

И вообще, этот незнакомец всё меньше кажется мне прекрасным принцем, уж слишком много от него неприятностей.

Некоторое время он стоит на прежнем месте и смотрит на меня хмурым взглядом. Выглядит недовольным. Как лев, из пасти которого вытащили уже надкусанного ягнёнка.

И что за дурацкие сравнения приходят мне в голову? Это выдуманная опасность, никто тут не собирается меня есть. Разве что полакомиться.

– Мы ещё увидимся? – он спрашивает громко и быстро, потому что дама опять жмёт на клаксон.

– Это уж вряд ли, – тихо отвечаю я, качая головой. И шумно выдыхаю, как только незнакомец садится обратно в свою машину и выезжает с парковки. Ощущение пронизывающего взгляда исчезает.

Я бегло осматриваю повреждения чемодана. Похоже, тоже придётся сдавать в ремонт. Внутрь пока не заглядываю. Боюсь. Моющие средства я закупила всего пару дней назад. Если что-то сломалось или пролилось... Не хочу даже думать об этом. Всё равно денег сразу на всё не хватит.

Домой я добираться долго и за это время много раз успеваю помянуть незнакомца недобрым словом. Вот ведь угораздило его явиться на моём пути. Нет бы, проехал на несколько секунд раньше или позже, и моя жизнь была бы намного проще.

По дороге заворачиваю к Эдику. В очередной раз благодарю судьбу, что в своё время набрела на его мастерскую. Эдик может починить всё.

На мой велосипед с уныло погнутым колесом он смот-

рит сочувственно, на меня с укоризной. Эдик – уникум, он воспринимает людей как придатки к механизмам. И если б мог, вообще запретил пользоваться ими таким криворуким неумехам, как я.

– Починишь? – спрашиваю, потому что молчание затягивается слишком надолго, а я хочу уже вернуться домой.

Эдик вздрагивает. Ещё бы, ведь я выдёргиваю его из вышних сфер. Он поправляет очки на носу, смахивает кошачьи шерстинки с рукавов несуразного пиджака, на пару размеров больше, чем надо, и только потом отвечает:

– Приходи через четыре дня.

– Четыре много, – пытаюсь спорить, потому что не представляю, как сумею обойтись столько долгое время без своего колёсного друга.

Но Эдик кремень. Он даже не повторяет. Если сказал – четыре, являться к нему раньше и давить на совесть нет смысла.

Я смиряюсь, ставлю чемодан на колёса и качу домой. Сегодня у меня ещё один заказ. Вечером. Глеб Игоревич предпочитает находиться дома, когда я убираю. Поначалу я нервничала, что он наблюдает, потом привыкла. Главное, не пристаёт. Ну и пусть смотрит, может, у него больше нет других развлечений в жизни.

И пока у меня есть несколько часов, я могу спокойно оценить свои потери.

Ставлю чемодан на пол в ванной и провожу осмотр повреждений. Как только снимаю погнутую крышку, по помещению разливается резкий запах. Чёрт, лопнула бутылочка с «Шуманитом», и теперь все остальные заляпаны едким пеннистым составом.

Достаю повреждённый флакон, заворачиваю в полиэтиленовый пакет и откладываю в сторону. Потом найду пустую ёмкость и перелью.

Даже тщательно вымытый чемодан продолжает распространять запах дезинфекции. Тряпки и салфетки приходится застирывать, и теперь они мокрые. Развешиваю на батарее, надеясь, что успеют высохнуть за несколько часов.

К счастью, «молния» не порвалась, только крышка просела и немного потеряла форму. Но это ничего. Смотрится, конечно, не слишком презентабельно, но какое-то время можно походить и так.

Включаю ноутбук и открываю вордовский файл. Несколько часов работаю над рассказом. Для творческого конкурса на Курсах нужно пять работ. У меня готовы две, почти три. Половина. Но и до экзаменов ещё несколько месяцев. Неполный год – это уйма времени. Всё будет хорошо. У меня обязательно получится.

Как всегда, я увлеклась процессом. Чёрт, уже шесть. Значит, поесть не успеваю. На ходу достаю из холодильника банан и спешно откусываю от него.

Чемодан почти просох, скидываю в него тряпки и флако-

ны. Вызываю такси и мчусь одеваться. Глеб Игоревич живёт недалеко от Тужинских. Значит, от него доберусь пешком. Нужно минимизировать лишние расходы.

Надеваю удобные кроссовки, леггинсы и топик, сверху накидываю ветровку для защиты от вечерней свежести и спускаюсь вниз. Как раз вовремя – такси уже ждёт у подъезда.

Такой глубокой провинциалке, как я, вечерняя Москва кажется прекрасной, чарующей, волшебной. Море огней, автомобилей и пешеходов. Аж дух захватывает. И я меж ними, одновременно являясь и не являясь частью столичной жизни.

Иногда я чувствую себя здесь очень одинокой. С родными почти не общаюсь, поскольку моя семья была против моего переезда в Москву, и мы поругались. А друзей за несколько месяцев я почти не завела, так как у меня практически не остаётся времени с ними общаться – разрываюсь между работой и подготовкой к поступлению.

С личной жизнью тоже пока не задавалось. Во-первых, из-за отсутствия того же времени. А во-вторых, мне никто не нравился настолько, чтобы влюбиться. Моё сердце верило в сказку и прекрасного принца, и на меньшее было не согласнo.

Полчаса по пробкам, и я уже на месте. С сожалением отдаю таксисту деньги – вот и первая незапланированная трата.

Задираю голову вверх и смотрю на тёмные окна. Похоже,

я рано – Глеба Игоревича ещё нет дома. Что ж, придётся подождать.

– Юля! – слышу знакомый голос и оглядываюсь. Глеб Игоревич машет мне из окна своего серебристого «Феррари». На нём темно-серый костюм и тёмно-голубой галстук. Окладистая борода приветливо топорщится.

– Добрый вечер, – машу ему рукой. Хороший дядька, хоть и странный немного. Вроде он преподаёт какую-то собственную методику и зарабатывает на ней бешеные деньги. То ли по психологии личностного роста, то ли по похудению. Впрочем, судя по его округлым формам, с похудением он близко не знаком.

В лифте мы поднимаемся вместе. Оба молчим. Вообще, если посчитать все слова, которыми мы перебросились с этим бородачом, их вряд ли наберётся больше нескольких сотен за всё время.

Глеб Игоревич открывает дверь ключ-картой и по-джентельменски пропускает меня вперёд.

Обожаю пентхаусы. Просторные помещения, высоченные потолки, панорамные окна, открывающие вид на наполненный жизнью и движением город. Жаль, что и этот пентхаус, занимающий весь верхний этаж небоскрёба, не мой. Впрочем, я не отчаиваюсь. Думаю, у меня всё ещё впереди, и на моей улице обязательно перевернётся грузовик с печеньками.

Закатываю внутрь чемодан с инструментами и меняю

уличную обувь на удобные матерчатые туфли. Покрепче затягиваю шнуровку, чтобы не развязалась в неудобный момент.

Ну вот, теперь я готова приступить к делу.

Мне нравится моя работа, хотя кто-то из вас и может пренебрежительно фыркнуть: «Подумаешь, всего лишь уборщица». Но согласитесь, жить в чистой квартире гораздо приятнее. Особенно в таком потрясающем пентхаусе. А значит, без меня вам не обойтись.

Итак, сначала вымыть окна, затем почистить сантехнику и кухню, стряхнуть пыль, пропылесосить и вымыть пол.

В наушниках играет любимая музыка, я немного пританцовываю в такт, забыв, что хозяин дома.

Похлопывание по плечу повергает меня в шок. Я визжу от страха, сначала подпрыгиваю на месте, затем отпрыгиваю в сторону и только тогда оборачиваюсь, одновременно выдёргивая из ушей наушники.

– Ну и напугали же вы меня, – произношу слегка подрагивающим от пережитого стресса голосом.

Глеб Игоревич смотрит слегка укоризненно, как добрый дядюшка, который слегка устал от детских шалостей.

– Ты долго ещё?

– Минут пятнадцать, пол домыть осталось, – не удаётся скрыть недоумение, уж слишком этот вопрос выбивается из привычной схемы нашего общения.

– Поторопись, я жду гостью.

Глеб Игоревич уходит в спальню, а я пялюсь ему вслед. Затем спохватываюсь и начинаю работать в ускоренном режиме. Вот ведь удивил, я уж начала было думать, что он нетрадиционной ориентации.

Едва успеваю застегнуть чемодан, как слышу женский голос. Удивительно знакомый. Выскальзываю через чёрный ход и, спускаясь в лифте, не могу перестать думать, с кем же встречается этот бородач. Хотя это совсем не моё дело.

Меня ждут сёстры Тужинские и их непристойное предложение. Не знаю, почему я подумала именно так, но вряд ли в их избалованные головки придёт что-то иное.

Дверь открывается тут же, как будто меня ждали. Стелла хватается за предплечье и тянет за собой через коридор для прислуги. Из парадной части пентхауса доносится музыка и голоса гостей.

– Мне больно, – пытаюсь освободить руку, но на мои трепыхания не обращают ни малейшего внимания. Я и не знала, что у Тужинской такая мощная хватка.

Она затаскивает меня в свою комнату и захлопывает дверь. В кресле сидит София, которая подсакивает с места при моём появлении.

– Ну наконец-то! – восклицает она возбуждённо. Они переглядываются с сестрой, подавая друг другу какие-то тайные знаки.

– Что вообще здесь происходит? – мне не нравится, что я одна не в курсе событий.

– Ты хочешь, чтобы мы молчали про ковёр? – Стелла дёргает меня за предплечье и разворачивает к себе. Я и не знала, что она такая сильная. Шипит мне в лицо: – Хочешь сохранить работу? Хочешь? Говори!

Я молчу, поражённо глядя на неё. Сейчас она меня пугает. Тем более их двое.

– Говори! – встряхивает меня ещё раз.

– Да, – отвечаю еле слышно. Мне страшно.

– Громче! – встряхивает меня ещё раз.

– Да! – господи, что здесь происходит?

– Вот и хорошо! Садись! – она толкает меня в кресло.

Чемодан выскальзывает из рук и с громким стуком падает на наборный паркет. Я вздрагиваю от этого звука, очень похожего на стук деревянного молотка судьи при оглашении приговора.

Теперь я уже не уверена, что прийти сюда было хорошей идеей.

– Слушай меня внимательно, Золушка, повторять не буду. Или ты соглашаешься на наше предложение, или завтра будешь иметь дело с нашей матерью. Что выбираешь? – Стелла и смотрит на меня как судья. Она серьёзна донельзя, потому что уже всё решила, и знает – я у неё в руках и бежать мне некуда.

– Что за предложение? – голос звучит глухо. Кажется, становится уже всё равно, лишь бы от меня отстали.

– Мы хотим кое-кого разыграть, – София подходит ближе. Говорит она мягко и вкрадчиво в отличие от старшей сестры, которая почему-то потеряла контроль над своими эмоциями. – И нам нужна твоя помощь.

Она кидает предупреждающий взгляд на Стеллу, и та отходит в сторону. Ну прямо плохой полицейский и хороший полицейский.

Я начинаю мелко дрожать.

– Не бойся, от тебя не потребуется ничего сверхъесте-

ственного, – она касается моей руки, и я вздрагиваю сильнее. – Да прекрати ты уже трястись, Золушка!

Теперь София теряет терпение, и её сменяет Стелла. Она садится на подлокотник кресла и поднимает моё лицо за подбородок, заставляя на себя посмотреть.

– Я обещаю, что ничего плохого с тобой не случится. Ты слышишь?

Киваю, абсолютно не уверенная в этом обещании. Но убеждаю себя, что всё равно должна сначала выслушать, что они задумали, а потом уже делать выводы. Отказаться и разрушить свои мечты я всегда успею!

Стелла отпускает мой подбородок.

– Это просто шутка, – говорит она тем же вкрадчивым голосом. – Мы хотим подшутить над одним человеком, ты просто познакомишься с ним и скажешь, что ты дочь Владимира Морецкого, директора НБР-банка. Немного пофлиртуешь и дашь ему левый номер телефона. Всё.

– Как видишь, ничего сложного или страшного, – улыбается София.

Я им не верю.

– А в чём смысл?

– Смысл в том, чтобы его продинамить, – Стелла раздражается от моей несговорчивости и слишком долгих раздумий.

– Потому что он продинамил тебя... – догадываюсь я и

тут же осекаюсь, наткнувшись на её злой взгляд. Иногда быть слишком догадливой чревато неприятностями.

– Никто меня не динамил! – вскидывается она, делает несколько нервных шагов по комнате, затем обратно и нависает надо мной, застыв гранитной глыбой с ледяными глазами. – Мы просто расстались. Поняла?

– Поняла, – киваю.

Мне не нравится их предложение. Я не играю чувствами других людей. Неважно, что сделал Стелле этот мужчина, я не хочу быть такой. Но ведь мне всего-то и нужно, что немного пофлиртовать и оставить ему неверный номер. Ведь ничего же страшного. Ничего? Тем более, что больше мы с ним никогда не увидимся. Это будет первый и последний раз. Совершенно точно. Только один вечер.

Выдать себя за другую. Сыграть роль богатой дочки банкира. Прямо комедия положений получится. Можно будет применить потом это в сценарии.

Подбадриваю себя, как могу, и всё равно трушу. Потому что я совсем не смелая и не решительная, во мне нет авантюрной жилки. Единственный самостоятельный поступок, который я совершила – это переезд в Москву. Но я решилась на него только потому, что поняла – если я сейчас, немедленно что-то не предприму, мечта всей моей жизни так и останется всего лишь мечтой.

Так неужели и сейчас я поддамся слабости и перечеркну всё, чего уже добились?

– Я согласна, но с одним условием, – даже не верю, что это мой голос, такая твёрдость сейчас в нём звучит.

– Каким? – Стелла смотрит на меня, как на заговорившую вдруг лягушку. Ещё бы – какая-то уборщица вдруг посмела ставить ей условия.

– Я не буду с ним спать, – смотрю ей в глаза, стараясь даже не мигать. В этом поединке взглядов сейчас я отстаиваю свою честь и остатки достоинства.

Она насмешливо кривит губы, но отворачивается первой.

– Этого и не понадобится, если ты сразу всё сделаешь правильно и не подставишься.

Что-то резануло слух в словах Стеллы, но обдумать, что меня так напрягло, я не успеваю, потому что София тащит меня к кровати, где уже ожидают примерки самые роскошные платья, которые я видела в своей жизни.

Их три. Разложенные на кровати, они смотрят на меня и ждут, когда же я их примерю.

– Давай, вот с этого начнём, – София вопросительно смотрит на старшую сестру и показывает на открытое серебристо-чёрное платье, украшенное пайетками, которые переливаются как река, стоит лишь взять ткань в руки.

София прикладывает его к себе и кружится, демонстрируя всё его великолепие.

– Нет, – качает головой Стелла. – Его вообще не надо было брать.

– Почему? – София обиженно надувает губки, и я пони-

маю, платье её.

– Посмотри, какая она смуглая, – старшая Тужинская хватает меня за подбородок и поворачивает лицом к сестре. – В чёрном она будет выглядеть настоящей головешкой. Думаешь, тогда Павлов на неё посмотрит?

– Ладно, а как насчёт вот этого?

Это красное, страстное, так и увлекающее своей красотой. Верхняя юбка разрезана и присобрана по бокам, изящными волнами она ниспадает на прямую и простую нижнюю. Я бы выбрала его. Но Стелла опять качает головой и недовольно поджимает губы.

– У тебя совсем нет вкуса, дорогая сестрица? – вроде и негромко сказано, но София осекается.

Старшая Тужинская приподнимает с кровати последнее платье из бледно-розового струящегося шёлка, обманчиво простого кроя, но уверена, многие бы удавились, лишь бы хоть раз надеть такое.

– «Вера Вонг», – заявляет Стелла прикладывая платье ко мне. – И наша Золушка будет смотреться не просто дорого, но и изысканно.

– Ты настоящая фея-крёстная, – хихикает София.

В этот момент пикирует телефон старшей Тужинской, и она, хмурясь, глядит на экран.

– Он здесь, – сообщает каким-то неестественным голосом. – Я иду к гостям, а ты сделай из неё принцессу.

– Слушаюсь и повинуюсь, моя королева, – шутливо кла-

няется София.

– Эй! – Стелла оборачивается уже в дверях. – Не подведи меня. И ты тоже!

У меня аж мороз прошёл по коже от её ледяного взгляда и по-настоящему королевского тона. Я понимаю, что у меня только один шанс сделать всё правильно и продолжить идти на пути к мечте, иначе Стелла разобьёт мою мечту вдребезги.

София делает мне макияж и укладывает волосы. Когда она поворачивает меня к зеркалу, я восхищённо ахаю, не узнавая себя. Это что, я? Правда?

Моя кожа теперь вовсе не выглядит смуглой, она сияет, словно подсвеченная изнутри сотнями маленьких фонариков. Волосы падают тяжёлыми, чуть подкрученными прядями, изящно обрамляя лицо. Я готова расплакаться от той невероятной красоты, которую вижу в зеркале.

– Не реветь! Тушь размажешь, – строго говорит София, но я вижу, что она довольна произведённым эффектом.

Когда она помогает надеть мне платье, уже мы обе вздымаем от восторга и как зачарованные пялимся в зеркало.

Я и правда Золушка, превратившаяся в принцессу. Жаль только, что лишь на одну ночь, и утром моя карета прекратится в велосипед с погнутым колесом, а это невероятное платье – в профессиональный чемодан со средствами для уборки чужих пентхаусов.

– Нам пора, – напоминает София, заставив меня оторвать-

ся от своего отражения в зеркале. – Идём.

Да, нужно идти. Мне предстоит обмануть незнакомого человека и выдать себя за ту, кем я не являюсь. Настроение падает до первого этажа быстрее скоростного лифта.

– Ты хорошо помнишь, что должна сделать? – строго спрашивает Тужинская и, дождавшись моего кивка, распахивает дверь.

Москва встретила Александра Павлова проливным дождём. Он сошёл с трапа, провожаемый улыбкой привлекательной стюардессы. Бросил последний взгляд на доставивший его в столицу «Челленджер», вспоминая комфортные кресла и удобный салон, и решил, что такое средство передвижения ему вполне подойдёт. Хватит уже перебиваться арендой самолётов, он слишком часто летал по делам компании.

А если московская сделка пройдёт как надо, то его компания сможет себе позволить приобрести с полсотни таких самолётов. Хотя почему «если»? Когда! Когда пройдёт эта сделка.

Павлов прошёл к лимузину. Помощник Сергей Никонов держал над ним раскрытый зонт и быстро проговаривал график встреч и особые моменты, на которые Александру следует обратить внимание.

Москва. Павлов не ожидал, что так соскучился по своей родине. Ностальгия цепко ухватилась за его душу, освещая чуть ли не каждую улицу, по которой они проезжали, яркими вспышками воспоминаний.

Город детства и юности. Жалел ли он когда-нибудь, что согласился уехать вместе с матерью в Германию к её второму мужу? Определённо, нет. Европа дала ему те возможности,

которые здесь он вряд ли сумел бы получить и развить.

Хотя, кто знает. Главный толчок к развитию всё-таки дали капиталы Ральфа, который, несмотря на все противоречия между ними, относился к Александру почти как к родному сыну. И даже ссудил ему немалую сумму. Разумеется, под проценты, чтобы это не выглядело подачкой.

Эти деньги Павлов приумножил во много раз и давно вернул Ральфу долг, испытывая благодарность к человеку, который так ненавязчиво помог ему открыть собственное дело.

Голос сидевшего рядом помощника перешёл в неразборчивое бормотание, и Александр заставил себя встряхнуться. Не время расслабляться. Сегодня у него ещё две встречи. А вот вечером... Вечером можно будет позволить себе оторваться...

Приятели ждали его в ночном клубе. Ох, как же рад он был видеть пацанов, с которыми в детстве облазил все стройки района в поисках портала в другой мир, устраивал поединки на палках, играя в героев Дюма.

Игорюха располнел и стал похож на откормленного мопса. Денис хоть и отрастил дурацкую бородку, но был в отличной форме и мог бы дать фору Павлову в объёме плеч и рельефе бицепсов. Да уж, три мушкетёра порядком изменились, но всё так же были рады свидеться.

Эта встреча тоже была не совсем дружеской. Несколько лет назад Александр спонсировал проект своих друзей, а затем помог молодой, развивающейся фирме выйти на евро-

пейский рынок. Бизнес начал приносить прибыль, и Павлов поздравил себя ещё с одним удачным вложением – и в дело, и в дружбу.

Сейчас ребята планировали открыть несколько филиалов по России, и им нужен был кредит под хорошие проценты. Уже пару дней они подыскивали подходящий банк, условия которого удовлетворили бы их требованиям.

Павлов предложил вложить свои средства, но, подумав, мушкетёры отказались от этой мысли – ситуация сейчас была слишком нестабильной, чтобы использовать деньги из-за рубежа.

После нескольких рюмок деловые вопросы как-то незаметно сошли на нет, и парней потянуло к противоположному полу.

– Я пас, – заявил Павлов, глядя, как Игорюха пытается подкатить к красотке у барной стойки.

– Влюбился? – поинтересовался Дэн, так же наблюдая за стараниями друга.

– Не люблю вторсырьё, – отрезал Александр. Он действительно не любил охотниц за быстрым заработком, устраивающих засады вот в таких клубах. Глядя на этих женщин, он испытывал брезгливость.

– В таком случае я знаю, что может тебя заинтересовать, – ухмыльнулся Денис.

Павлов вопросительно приподнял брови. Но Дэн глядел, как Игорь договорился с красоткой и направился с ней в сто-

рону танцпола.

– Так что? – напомнил ему о себе Александр.

– Что? – не понял отвлѣкшийся Денис.

– Что может меня заинтересовать?

– А-а, тут завтра мои соседки устраивают вечеринку. Считай, что ты приглашѐн.

– Что за соседки?

– Тужинские, помнишь, ты как-то зажигал со старшей на Кипре?

Александр помнил привлекательную блондинку, которая была весьма неплоха в постели.

– Значит, мы с тобой оторвѣмся завтра, – Дэн снова повернулся к танцполу и убедился, что Игорѣк увлечѣнно танцует с девицей. – Похоже, товарища мы потеряли...

После клуба Александр с Дэном продолжили отмечать встречу на корпоративной квартире Павлова, расположенной в элитном жилом комплексе в центре столицы. Друзья расположились на мягком длинноворсном ковре у окна в пол, открывавшего прекрасный вид на ночной город. Запаслись бутылкой «Джим Бима» и тем, что приходящая прислуга оставила в холодильнике.

Утром Александр проснулся в прекрасном настроении и в предвкушении удачного дня. Он позанимался в спортзале на цокольном этаже, затем вернулся в квартиру и принял душ. Когда кофеварка зафыркала, сообщая, что кофе готов, Пав-

лов отправился будить друга.

Денис выполз из своей спальни с весьма помятым и довольным видом. Взглянув на цветущего Павлова, он поморщился.

– Выглядишь таким довольным, что хочется набить тебе морду.

Александр только усмехнулся и пододвинул другу чашку кофе. В их компании он всегда был самым устойчивым к крепким напиткам. И не понимал, как можно проспять до десяти утра. Даже после попойки.

– Пей кофе, я завезу тебя домой по дороге.

– Ты что, собираешься работать сегодня? – Денис сделал глоток божественного напитка и почувствовал, что утро ещё может быть добрым.

– Конечно, я ж приехал работать, а не пьянствовать с вами.

Павлов отвёз Дэна домой и уже выворачивал к выезду с парковки, как вдруг неизвестно откуда прямо на его пути появилась какая-то дурёха на велосипеде. Свернуть было некуда.

Александр что есть силы нажал на тормоза, уповая лишь на то, что скорость была достаточно низкой.

Удар был слабым, но ощутимым. Павлов выскочил из внедорожника, чтобы проверить, как там девчонка.

О боже, нет, только не это. Она лежала на бетонном покрытии, под колёсами его машины валялся велосипед, а ря-

дом какой-то чёрный чемодан, запылившийся от падения.

Павлов бросился к малышке и подхватил её, поднимая с холодного бетона. Почему-то в этот момент казалось важным, чтобы она не лежала там, в пыли.

Девушка подняла на него затуманенные шоком глаза и взмахнула длинными пушистыми ресницами. Она оказалась старше, чем подумалось сначала. Но уже не подросток. Где-то чуть больше двадцати. Одета очень просто и почти без макияжа.

Она, не отрываясь, смотрела на него. Её взгляд гипнотизировал заставлял забыть о реальности, о заполненной автомобилями парковке, о только что произошедшем столкновении. Незнакомка смотрела на него так, что изнутри поднималось что-то древнее, замешанное на инстинктах, истинно мужское желание – схватить, унести в своё логово и обладать этой женщиной.

Её лицо на мгновение скривилось от боли, и Павлов мысленно дал себе оплеуху. Какой же он идиот, ведь девушка могла пострадать, а он тут со своими гормонами. Уже нафантазировал бог весть что.

Павлов с трудом разогнул её пальцы, изо всех сил вцепившиеся в полы его пиджака, словно это самая надёжная опора на всём свете.

– Отпусти! – попросил он тихо, но незнакомка отреагировала на его голос, подняла взгляд и посмотрела на его губы, при этом слегка приоткрыв свои. Павлов почувствовав, что

ещё немного, и он точно отменит все встречи и увезёт девчонку на свою квартиру.

Эта ненормальная приподнялась на цыпочки и начала тянуться к нему, словно, и правда, собираясь поцеловать.

– Идиот! – Александр выругался на себя сквозь зубы, раздражаясь на реакцию тела. О чём он только думал. Да и она тоже хороша.

Павлов наконец сумел отстранить её от себя и осмотрел повреждения – разбито колено, содрана кожа на руках. Не так страшно, могло быть и хуже. Внутри всё похолодело, когда он представил, что могло быть, если бы не успел затормозить.

– Нашла, когда заснуть! – он разозлился и на себя, и на девчонку. И то, что она молчит и продолжает смотреть на него мечтательным взглядом, окончательно вывело его из колеи. – Ты что, глухонемая?!

– Не помню, чтобы мы с вами переходили на «ты»! – очнувшись от транса, возмутилась она, и Павлов улыбнулся, чувствуя непередаваемое облегчение. Похоже, более серьёзных повреждений нет. Ругалась она отменно, при этом карие глаза сверкали настоящими сапфирами.

На предложение вызвать скорую девчонка тоже огрызнулась. Александр успел только достать телефон, как она перехватила его руку, убеждая, что чувствует себя хорошо.

А вот пострадавший чемодан вызвал у незнакомки гораздо больше расстройств, чем собственное побитое состояние.

Павлов поднял его, желая помочь, и внутри что-то застучало, перекатываясь.

— Что у вас там? — чемодан показался знакомым, вроде бы такой он видел у проходящей уборщицы. Или нет?

— Волянка, — ответила она самое невозможное из того, что Павлов мог бы представить.

Их руки соприкоснулись на ручке чемодана. Напряжение повисло в воздухе, стало весьма ощутимым, разве что искры не сыпались над их головами. Мир вокруг замер и перестал существовать.

Внезапный гудок клаксона разорвал сгустившийся вокруг них воздух, вновь возвращая краски и звуки окружающего мира.

Воспользовавшись его замешательством, незнакомка вырвала из руки чемодан, поставила в корзину поднятого велосипеда и покатила его в сторону лифта.

— Мы ещё увидимся? — с непонятной надеждой спросил Павлов, уже возвращаясь в машину.

Ответа он не услышал. И вместо того, чтобы последовать за незнакомкой и узнать номер её телефона, был вынужден убрать автомобиль с проезда. Когда Павлов наконец припарковал свой внедорожник и вернулся на место столкновения, девчонки уже и след простыл.

Вот чёрт! Ускользнула...

Настроение испортилось. Правда, ненадолго. Вскоре

Александр почти забыл о ней, занятый делами, переговорами и поиском кредита для расширения дела своих друзей, в котором он имел сорок процентов и был заинтересован в дальнейшем росте и процветании.

К вечеру Павлов уже и не думал о незнакомке. Забылось и первоначальное желание подрядить службу безопасности, чтобы просмотрели камеры и выяснили, в какую квартиру приходила девушка.

После бесконечного и изматывающего дня Александр так устал, что собирался отказаться от приглашения на вечеринку Тужинских. И только долгие уговоры обоих друзей, направших на то, что они и так слишком редко видятся, заставили его выбраться из дома.

Павлов собирался побыть там немного, пообщаться с друзьями и уйти, как только это станет возможным. Навязчивое внимание хозяйки дома только утвердило его в правильности принятого решения.

Александр устал, а завтра его ждал ещё один тяжёлый день. Он под каким-то предлогом отошёл от Стеллы, поставил бокал на столик, планируя отыскать Дэна или Игоря и сообщить, что едет домой.

В проёме двери он столкнулся с девушкой, вдохнул сладостный аромат её духов. Поднял на неё взгляд, собираясь извиниться за столкновение, но не смог произнести ни слова, только улыбнулся, поражаясь странным кульбитам судьбы.

Потому что это была она – его очаровательная незнакомка

с парковки. И на этот раз Павлов не собирался её упускать.

Это он – мой принц с подземного паркинга.

Сначала сердце начинает бешено биться, подгибаются ноги, дрожат руки, а потом приходит спасительная мысль: что он здесь делает? Неужели сумел выследить меня?

Блин, как же это не вовремя. Мне ведь нужно флиртовать с каким-то бывшим Стеллиным ухажёром. Вот только никто из сестёр не успел или не удосужился мне сказать, как он выглядит и как его зовут. Да и вообще, как я буду искать одного незнакомца на вечеринке, где этих незнакомцев пруд пруди?

Я ведь здесь никого не знаю. Ну, конечно, кроме этого... принца, который хищно улыбается мне, и я снова чувствую себя ягнёночком.

– Похоже, что судьба снова сталкивает нас, – он подходит совсем близко, берёт мою руку и сжимает пальцы. Смотрит на меня, и в его глазах – восхищение.

– Я вижу, вы уже познакомились, – голос Стеллы разбивает перекрестье взглядов.

Она появляется как раз вовремя. Хватка незнакомца ослабевает, и я забираю свои пальцы из его руки. Ловлю насмешливый взгляд. Он как будто ловит мои эмоции. Мой испуг, растерянность, возбуждение...

– Ещё не познакомились, но собирались. Александр Пав-

лов, – он протягивает мне руку. И снова усмехается, когда я медлю пару секунд, прежде чем вложить в неё свою.

– Юлия Воронина, – мой голос похож на писк испуганной мыши. Поскольку мне не сказали, что именно нужно говорить, представляюсь своим настоящим именем. И тут же вопросительно гляжу на Стеллу.

– Её отец – Владимир Гейзман, директор НБР-банка, – доносит она нужную информацию и внимательно смотрит на Павлова.

Его красивое лицо приобретает задумчивое выражение, а мгновение спустя в глазах появляется хищный блеск. Тужинская замечает это и удовлетворённо улыбается.

– Ну, теперь вы познакомились, моя роль хозяйки выполнена, пойду к другим гостям, – у неё на губах улыбка, но в глазах лёд. Мне кажется, она хочет сделать больно этому человеку. Интересно, за что она его так ненавидит?

Стелла делает вид, что целует меня в щёки и шепчет на ухо: «Птичка клюнула, теперь не подведи».

«Так это он!» – вдруг понимаю и смотрю на «принца» другими глазами. Что такого он сделал Стелле, что она до сих пор на него зла и хочет отомстить?

– Признаться, там, на парковке, я поначалу подумал, что вы прислуга. Прошу извинить меня.

Вскидываю на него взгляд. Я оглушена своей реакцией и открывшейся истиной. Мне будет сложно флиртовать с этим мужчиной, потому что он мне очень нравится. Даже не так,

всё моё тело, вся моя суть реагируют на него и подаются ему навстречу.

Встречаюсь взглядом с его невозможно голубыми глазами. И понимаю, что не слышала его слов.

– Простите?

Воронина, ну-ка прекращай это! Ты ведёшь себя как полная дура. Он же смеётся над тобой!

Но он не смеялся. Павлов, напротив, был очень сосредоточен и не сводил с меня глаз.

– Ну ваша одежда... там на парковке... она была очень простой, вот я и подумал...

Мамочка моя, он смутился?

Эта мысль кажется такой невозможной, что я сама продолжаю его фразу:

– Что я уборщица?

Павлов смущается ещё больше, но маскирует своё смущение насмешкой.

– Но вы особо и не пытались меня переубедить. Но я готов загладить свою вину. Если вы позволите. Вы ведь позволите мне это сделать?

Теперь смущаюсь уже я, потому что он снова завладевает моими пальцами. И я не могу отвести взгляда от того, как он их поглаживает. И вдруг понимаю, что мои руки не соответствуют образу светской красавицы – простенький маникюр, ладони наверняка не такие гладкие, загрубевшие от постоянной работы с чистящими средствами. Я резко вырываю

руки и прячу их за спиной.

– Извините.

Понимаю, что это бегство, что я не должна, но ничего не могу поделать. Мне нужно немного пространства и собраться с мыслями. А рядом с ним это кажется совершенно невозможным.

Подхожу к окну и замираю, стараясь выровнять дыхание и унять бешено скачущее сердце.

Нет, это невозможно, неправильно. Мужчина не должен так действовать на женщину. Не должен так действовать на меня.

– Шампанского? – произносит его голос, и я поворачиваюсь.

В руках Александр держит два бокала, один протягивает мне.

– Спасибо, – принимаю шампанское, стараясь, чтобы наши пальцы не соприкоснулись. И делаю быстрый глоток, сразу за ним ещё один. Хорошо. Ледяные пузырьки щекочут горло. И я немного отвлекаюсь на новое ощущение.

– Вы очень красивы, Юлия, – говорит Павлов, и в его голосе появляются бархатистые, обволакивающие нотки.

Он что, меня соблазняет? Это открытие повергает в шок, и я в несколько глотков допиваю шампанское. Давлюсь и кашляю.

Как же глупо я сейчас себя чувствую. И выгляжу точно

так же.

Павлов забирает пустой бокал из моих рук и ждёт, пока я откашляюсь.

– Вам уже лучше? – интересуется он.

Я киваю в ответ, потому что говорить сейчас не могу. В голове только одна мысль – надо бежать отсюда. И как можно скорее. Ещё никогда в жизни я не была так напряжена, как сейчас. Мои нервы – натянутые струны, чуть пережми, и порвутся в клочья.

– Потанцуем? – вносит Павлов ещё большую сумятицу в мои чувства.

Я оглядываюсь по сторонам в поисках несуществующих путей к отступлению, а затем вкладываю свои пальцы в его протянутую ладонь.

Мелодия медленная, тягучая и чувственная, но я едва её слышу, оглушённая стуком своего сердца. Даже не знаю, движемся ли мы под музыку или стоим на месте. Я ощущаю только его ладонь на своей спине. Его пальцы поглаживают тонкий шёлк, и мне кажется, что они касаются обнажённой кожи, обжигая и заставляя щёки покрыться румянцем.

В гостиной работает кондиционер, но меня бросает в жар от прикосновений Александра. Я таю в его руках, растворяюсь, теряю связь с реальностью. Предложи он сейчас уехать отсюда, и я не смогу отказать.

«Бежать!» – бьётся в голове единственная мысль. – «Скорее бежать отсюда».

К счастью, музыка смолкает, и Павлов ведёт меня к креслам.

Мне нужно дать ему неправильный номер телефона, и я смогу быть свободна. Я готова сказать это прямо сейчас, прокричать несколько случайных цифр, лишь бы вновь обрести свободу воли. Но загипнотизированная его властью над мной продолжаю сидеть. Позволяю протянуть мне ещё бокал шампанского, и машинально делаю глоток.

Я уже не знаю, что происходит, практически не осознаю реальность. Я вся – один большой оголённый нерв, чутко реагирующий на прикосновения этого мужчины.

Хочу ли я ещё вырваться на волю, вернуть себе разум? Уже и не знаю. Это просто перестаёт иметь значение.

– Эй, Павлов, вот ты где! А мы тебя обыскались, – двое парней появляются перед нами.

Они о чём-то говорят с Александром, а я вдруг начинаю осознавать происходящее вокруг. Слышу голоса, чувствую запахи. Но самое главное – ко мне возвращается моя воля.

– Извините, я на минуту, – говорю Павлову и иду к выходу из гостиной. Стараюсь не перейти на бег, чтобы он не понял, что я убегаю от него.

Врываюсь в спальню Софии и, захлопнув за собой дверь, прижимаюсь к ней спиной. Дыхание сбитое, как будто я только что пробежала несколько километров по пересечённой местности. Пытаюсь взять себя в руки, и мне это удаётся через некоторое время.

И что на меня нашло? Как наваждение какое-то. Никогда раньше так не реагировала на мужчин. Я испугана. И это неудивительно, ведь я не понимаю, что произошло только что в гостиной. Ведь там была не я, вместо меня там была какая-то блудливая кошка.

Без всякого сожаления снимаю с себя платье. А вдруг это оно виновато? Точно оно – внушило мне, что такой, как он, может заинтересоваться такой, как я. Ещё и Тужинские со своими условиями...

Сейчас мне всё равно, пусть даже Стелла и нажалуется матери. Пусть даже я лишусь работы. Таких мелочей я уже не боюсь. Слишком испугалась того, что творилось со мной. Рядом с ним...

Быстро надеваю свою одежду и перехватываю волосы резинкой. Бросаю взгляд в зеркало. На лице по-прежнему – вечерний макияж. Но я не хочу тратить время на то, чтобы смыть его.

Осторожно пробираюсь задним коридором к чёрному вы-

ходу и открываю дверь. Кажется, у меня получилось.

Несколько раз жму на кнопку лифта. Ну почему, когда спешишь, этот дурацкий лифт невозможно дождаться. Наконец слышу, что кабина подъезжает. Ну вот, ещё немного и всё это безумие закончится. И я забуду случившееся, как страшный сон.

Но в тот момент, когда двери лифта начинают раздвигаться, открывается дверь квартиры Тужинских.

– Юлия! – слышу я тот самый голос, который превращает меня в бандерлога перед страшным Каа, и замираю.

Только в голове отчаянно пульсирует, подгоняя кабину: «Скорее, ну скорее же!».

– Юлия, подождите! Не уходите! – Павлов начинает двигаться в мою сторону. Я по-прежнему стою спиной и не вижу, как он идёт, но каким-то обострившимся шестым чувством ощущаю его приближение.

«Пожалуйста, пожалуйста!»

Словно откликаясь на мою немую мольбу, двери лифта раскрываются, и я заскакиваю в кабину. На бегу жму кнопку и только тогда разворачиваюсь.

Нет, Александр не пытается разжать закрывающиеся двери, он просто стоит и смотрит на меня с нечитаемым выражением на лице, пока наконец полностью не исчезает из виду.

Я второй раз за вечер в изнеможении прислоняюсь к сте-

не. Кабина зеркальная, куда бы я ни кинула взгляд, повсюду натыкаюсь на своё раскрасневшееся лицо с лихорадочно блестящими глазами. Закрываю глаза. Пока я не готова говорить о том, что случилось, даже с самой собой.

На улице вдыхаю прохладный воздух и испытываю непередаваемое облегчение. Наверное, то же самое чувствовала сказочная принцесса, когда спаслась из логова дракона.

Уже поздно. Надо бы вызвать такси, но меня до сих пор бьёт дрожь нервного перенапряжения. И я решаюсь пройтись до метро. Здесь совсем недолго, десять-пятнадцать минут пешком через парк.

Зачем Александр пошёл за мной? Зачем искал меня? У меня нет ответов на эти вопросы. Точнее, есть один, но он настолько нереалистичный, что я отказываюсь принимать его всерьёз. Ну не мог же Александр Павлов, который отверг даже Стеллу – красивую и богатую – на самом деле увлечься мной, никому не известной провинциалкой. У меня нет даже нормального маникюра. Что уж говорить о дорогих шмотках...

Точно! Это всё платье. Он ведь принял меня за другую. За ту, кем я вовсе не являюсь. За дочь какого-то банкира, а я ведь даже не запомнила его имя, не говоря уж о названии банка...

– Эй, красотка! Твоей маме зять не нужен?

Погружённая в свои мысли замечаю молодых парней, только когда они уже меня окружили. Их трое. Двое одеты в

спортивные костюмы и плоские кепки. А третий в джинсах и майке, обтягивающей торс и открывающей широкие плечи, покрытые прыщами.

Этот, последний, пугает меня больше всех. Может быть, потому, что первые двое – обычные гопники, начисто лишённые интеллекта, а вот у третьего на лице написано, что он жестокий мерзавец, которому нравится мучить слабых. Обычный садист, на которого мне не повезло наткнуться...

– Спасибо, ничего не нужно, – я всё ещё надеюсь на мирное разрешение конфликта. Ведь и конфликта-то никакого не было. – Мне просто нужно пройти.

– Проходи, – третий делает паузу, и когда я уже с надеждой смотрю на него, издевательски кривит губы. – Только заплати сначала.

– Сколько? – голос дрожит против воли. Денег с собой у меня немного, но я готова всё отдать, лишь бы только отстали.

– По десять минут каждому, думаю, хватит. Итого – полчаса вон за теми кустами и можешь быть свободна, – он машет рукой в сторону густого кустарника.

Меня окатывает ледяной волной. Господи, я ведь так молода. Я этого совсем не заслужила. Ну почему?

Третий внимательно следит за моей реакцией. Я открываю рот, якобы для того, чтобы что-то ответить. Но вместо этого ныряю между двумя гопниками и что есть силы мчусь в сторону метро.

– Лови её! – слышу позади себя, но даже не оглядываюсь, чтобы узнать, насколько они близко, не хочу терять и доли секунды.

Главное, выбраться из парка, а там уже светло и люди. Мне обязательно помогут.

В голове проносятся глупые мысли, вроде тех, что в светлое время суток по парку обязательно курсируют полицейские патрули. Я сама их неоднократно наблюдала, когда проезжала здесь на своём двухколёсном друге. Так почему же сейчас в зоне видимости ни одного защитника правопорядка?

Может, стоит покричать? Или нет? Лучше сберечь дыхание. Я вовсе не уверена, что в парке сейчас есть кто-то, кто вступится за меня.

Неожиданная подножка сбивает меня с ног. Лечу через асфальтированную дорожку в траву, во второй раз за сегодня сдирая ладони. На этот раз до крови.

Но эту боль я почти не замечаю, потому что всё моё существо заполняет панический ужас, когда мерзкие влажные руки хватают меня за одежду и начинают срывать её с меня.

Неужели это всё?

Освобождение приходит неожиданно. Я даже не успеваю понять, что случилось. Просто исчезает тяжесть навалившегося на меня тела. Никто меня не держит. Я больше не задыхаюсь, но всё ещё лежу на траве, оглушённая и испуганная. Кровь в ушах бешено пульсирует после пережитого ужаса. Я почти ничего не слышу.

Спустя вечность приподнимаюсь на локтях. Голова кружится, и я вынуждена перекатиться на живот, чтобы сконцентрироваться на том, что происходит вокруг.

Но не успеваю, кто-то подхватывает меня под руки и приподнимает. Снова накатывает паника. Я кричу, верчусь, стараюсь вырваться, но сильные руки продолжают меня удерживать. Тогда ноги перестают меня держать, и я оседаю на землю. А затем приходит темнота, поглощая всё вокруг.

Просыпаюсь я медленно, не понимая, где нахожусь и как здесь оказалась.

Ощупываю руками мягкое покрывало, которым накрыта до самой шеи. Значит, я лежу на кровати. Комната большая, потому что настольная лампа, которая горит на тумбочке справа от меня, выхватывает лишь часть пространства. Всё, что находится за кругом жёлтого света, теряется в полумраке.

Это определённо не моя квартира. Тогда где же я?

Вспоминаю всё, что случилось со мной и пытаюсь подняться на ноги. Возможно, мне всё ещё грозит опасность, и нужно бежать отсюда как можно скорее.

Тело плохо слушается. Цепляю рукой стакан, стоявший на тумбочке. Он падает, ударяется о паркет и закатывается под кровать. Холодная вода разливается по деревянной поверхности и стекает на покрывало, а затем дробными каплями падает на пол.

Я смотрю на то, что наделала, и снова чувствую приближение паники. Ведь тот, кто привёз меня сюда и уложил в кровать, наверняка слышал всё это.

Спустя несколько секунд дверь открывается, пропуская в комнату ещё один источник света. Он освещает силуэт мужчины. К сожалению, со спины, и я не могу разглядеть его лицо.

Инстинктивно вжимаюсь в кровать, стараясь стать маленькой и незаметной. Но мужчина направляется прямо ко мне. Я смотрю, как он приближается, даже не осознавая, что задержала дыхание.

И лишь когда он входит в круг света, облегчённо выдыхаю. Это он, мой принц с парковки.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает он, присаживаясь на краешек кровати.

Голубые глаза смотрят обеспокоенно и с сочувствием.

– Нормально, – пытаюсь ответить я, но голос сипит, и вы-

ходит только какое-то невнятное бормотание.

– Всё будет хорошо. Доктор сказал, что ты не пострадала. Только психологически.

– Доктор? – мысли тяжёлые и шевелятся с трудом. – Что со мной произошло?

– На тебя напали и пытались... – он замолкает, и я вспоминаю влажные руки, стягивающие с меня одежду. Передёргиваюсь от отвращения и ужаса, и он это замечает. – Не бойся, я подросел вовремя. Они ничего не успели сделать.

Смотрю на него во все глаза. Он меня спас? Мой принц. На глаза наворачиваются слёзы, и я начинаю часто моргать, чтобы не дать им пролиться.

– Ты меня спас... – произношу это очень тихо, не уверена, что он это расслышал.

– Главное, что всё позади, – говорит Александр, накрывая мою руку своей. Я рефлексивно отдёргиваю ладонь и тут же понимаю, что сделала. Он ведь сейчас обидится.

– Извини...

– Не стоит, ты испугалась, и это нормально. Главное, что всё позади. – повторяет он. И мне кажется, скорее, для того, чтобы я сама в это поверила.

– Где я? – задаю самый главный вопрос, хотя уже, кажется, знаю ответ на него.

– У меня дома, – подтверждает мою догадку Павлов. – Доктор сказал, что тебе нужно будет подкрепиться, когда проснёшься. Поэтому, если ты готова, приглашаю тебя на

поздний ужин.

Александр улыбается, и на душе становится теплее. Кажется, даже кошмарные воспоминания отступают в тень.

– Спасибо, – моя признательность ему сейчас безгранична. И я снова хочу расплакаться. От облегчения и благодарности. Но снова сдерживаюсь.

Дождавшись, когда он выйдет из комнаты, осторожно выбираюсь из-под покрывала. На мне голубая мужская рубашка. Снова впадаю в панику и судорожно лезу руками под одежду. С облегчением нащупываю нижнее бельё. И только тогда спускаю ноги на пол. Недолго сижу на краю кровати, собираясь с духом и внутренне ощупывая своё состояние. Вроде ничего. Тогда решаюсь и встаю на ноги.

Рубашка достигает середины бедра. И я решаю, что этого недостаточно, чтобы соблюсти приличия. Свою одежду мне не хочется даже видеть, поэтому я даже её не ищу. Снимаю с кровати покрывало и закутываюсь в него.

Босиком мягко шлёпаю по деревянному паркету. Он приятно прохладный. Выхожу из комнаты и оглядываюсь по сторонам, пытаюсь сообразить, куда мне теперь идти.

Квартира большая и просторная. Отделана в светлых тонах с вкраплением ярких пятен.

Александр ждёт меня в коридоре.

– Мне нужно... – начинаю озвучивать свою просьбу, но он уже открывает дверь ванной.

– Полотенца и халат внутри, – сообщает он и испаряется.

На всякий случай закрываюсь изнутри. Конечно, он меня спас от насильников, но сейчас я не доверяю всем мужчинам без исключений. Хотя Павлову, пожалуй, я не доверяю чуть меньше остальных.

Долго стою под горячими струями воды, потом нащупываю шампунь и смываю с себя ощущения чужих прикосновений и сами воспоминания о них.

В какой-то момент мне начинает казаться, что кто-то стучит. Открываю глаза и выключаю воду. Действительно стучит. В дверь.

– У тебя всё в порядке? – доносится до меня обеспокоенный голос Александра.

– Да! Сейчас выйду. – чувствую странную благодарность за то, что он волнуется за меня.

Не знаю, сколько времени прошло, но, кажется, и правда, пора выходить. Вытираюсь пушистым полотенцем, промокаю волосы и надеваю на себя мужской халат. Он тёплый и мягкий, а ещё большой и достигает щиколоток. Я закутываюсь в халат, как в броню, потуже затягиваю пояс и выхожу из ванной.

Кажется, теперь я достаточно пришла в себя и готова столкнуться с реальной жизнью.

Взгляд у принца обеспокоенный, но при этом одобрительный. Похоже, ему нравится, как я выгляжу в его халате.

Улыбаюсь уголками губ, скорее, чтобы выразить ему вежливую благодарность за заботу, чем поощрить на что-то большее.

И вообще, после нападения эротический гипноз спадает с меня. Нет, Павлов не становится менее привлекательным, он по-прежнему самый красивый и привлекательный мужчина из всех, что я встречала в обычной жизни. Но теперь я перестаю смотреть на него зомбированным взглядом, открыв рот, через который вылетают все здоровые мысли.

Это звучит очень цинично, особенно, учитывая, какой опасности я подвергалась, но, похоже, эмоциональная встряска пошла мне на пользу – теперь я могу объективно мыслить. Ну почти.

Александр проводит меня в столовую, где накрыт стол на двоих, и отодвигает стул. Мне приятны его ухаживания и забота.

– Спасибо, – снова слегка улыбаюсь.

– Я не знал, что ты любишь, поэтому заказал всего понемногу, – он делает приглашающий жест рукой, и я сосредотачиваюсь на еде.

Здесь действительно есть всё. Но, несмотря на обилие де-

ликатесов, многие из которых я никогда не пробовала, организм весьма вяло реагирует на возможность подкрепиться чем-нибудь вкусненьким.

Выбираю небольшой бутерброд с красной рыбой и лёгкий салат, понимая, что Павлов от меня всё равно не отстанет, раз уж даже вызвал врача, пока я была без сознания.

Сам Александр жуёт какую-то мясную нарезку, запивая её чёрным кофе. Аромат приятно щекочет ноздри, и я ловлю себя на том, что и сама с удовольствием выпила бы чашечку.

– Можно и мне? – киваю на его напиток.

– Не стоит, – отвечает он так ласково, что я начинаю чувствовать себя маленьким несмышлёным ребёнком.

– Почему? – в моём желании узнать причину тоже есть что-то детское, как потребность капризничать и любым способом добиваться своего.

– Не сможешь уснуть, – в его голосе – бездна терпения.

– А ты?

– Мне уже пора вставать, – улыбается он, кивая на окно, где светлой полосой занимается рассвет.

По моим ощущениям – ещё глубокая ночь или слишком раннее утро, чтобы пора было вставать. Взгляд натывается на настенные часы – ещё нет и пяти утра. Для меня, как истинной «совы», это время глубокого сна.

– Зачем вставать в такую рань? – не верю я.

Павлов усмехается и озвучивает свой график:

– Обычно я встаю в пять тридцать. Пробежка, тренировка

в спортзале, завтрак и к восьми еду на работу. Просто сейчас уже нет смысла ложиться.

– А кем ты работаешь? – мне нравится с ним так сидеть и разговаривать, узнавая друг друга. И я опять поражаюсь той лёгкости, с которой звучит «ты» в нашем общении.

– У меня свой бизнес. В Германии и здесь, – он пожимает плечами, как будто говорит о чём-то обыденном. Ну конечно, подумаешь, бизнес в Германии и в России. Это ж какой у него уровень дохода?

И я задумываюсь. Вот вроде и у меня свой бизнес. Но почему-то кажется, что мы с Павловым из разных миров. Вот я вряд ли смогу позволить себе такую жизнь, как у него.

– А ты чем занимаешься, Юля? – он словно услышал мои мысли. Чувствую, как краснею.

Вот он, отличный момент, чтобы признаться во всём. Сказать, что я обычная уборщица. И вообще, меня заставили ввести его в заблуждение. Сдать Тужинских, залитый ковёр и мой страх перед потерей работы. В этой ситуации я жертва. И совсем не хотела его обманывать, но обстоятельства сложились против меня.

Я уже открываю рот, чтобы признаться в своих грехах, но тут звонит телефон Павлова, и он, извинившись, выходит из-за стола. Ладно, признаюсь позже.

Я доедаю салат, нахожу за аркой кухню и отношу тарелки в раковину. Затем, подумав, убираю оставшуюся еду в хо-

лодильник, мою посуду. Налив себе стакан воды, подхожу к окну.

Уже рассвело, и под моими ногами суетится город. Как же здорово жить здесь, наверное. Я представляю, как сижу с ноутбуком у окна, в которое стучит дождь, далеко внизу бегут по своим делам прохожие. Александр протягивает мне кружку с горячим какао...

Стоп! Откуда в моей фантазии взялся Александр?

А он, словно опять услышав, что я о нём думаю, возвращается в столовую. На нём спортивные штаны, футболка и кроссовки. Он окидывает удивлённым взглядом пустой стол, но никак не комментирует. Вместо этого подходит ко мне.

– Я на тренировку, а ты бы вернулась обратно в постель, – и смотрит так ласково, с трогательной заботой. – Тебе пока не стоит перенапрягаться.

Я забываю о том, что собиралась признаваться. И только киваю. В постель, так в постель. Тем более, что спать действительно хочется. И я засыпаю, едва закрываю глаза.

Я не слышу, как Павлов вернулся с тренировки, не слышу, как он снова ушёл, на этот раз на работу. Но, когда я опять просыпаюсь, в квартире никого нет. Это ощущение пустоты вокруг заставляет меня выбраться из-под одеяла и пройтись по комнатам в поисках Александра. Кажется, я надеялась, что он окажется дома. Немного.

Убедившись, что я на самом деле одна, иду на кухню. Потому что зверски голодна. Достаю контейнеры с едой и устра-

иваюсь прямо за кухонным столом. Ем быстро, потому что уже одиннадцать часов утра, а мне нужно убрать квартиру Тужинских до возвращения их родителей.

Главный вопрос – как выйти на улицу? Поскольку моя одежда пострадала в схватке с насильниками, а в махровом халате появиться в метро, вряд ли рискну, я отыскиваю гардеробную Павлова.

Ого, у него под одежду выделена целая комната, размером с однушку, которую я снимаю. Может, он даже и не заметит, если я что-то позаимствую.

Останавливаюсь на белой рубашке, у которой подворачиваю рукава и завязываю полы узлом на животе. Затем надеваю джинсы, которые мне велики и висят на бёдрах. Приходится одолжить ещё и ремень. Джинсы я тоже подворачиваю чуть выше щиколоток. А мои матерчатые туфли, к счастью, находятся в шкафу в прихожей.

Что ж...

Взгляд в зеркало показывает растрёпанную девицу, одетую как мальчишка, у которого много старших братьев, передающих одежду по наследству. Ничего. Главное, держать хвост пистолетом и делать вид, что так и надо. Пальцами расчёсываю волосы и оставляю их распущенными, надевая резинку на запястье.

Бросаю последний взгляд на квартиру Александра. Для меня это только мечта, и я буду к ней стремиться. Но не сейчас. Сейчас мне здесь нет места, ни в его квартире, ни в его

жизни.

Выхожу наружу и захлопываю за собой дверь. Никаких сожалений. Всё равно у нас с ним ничего бы не вышло.

Девчонка не шла у него из головы. Павлов думал о ней весь день. Когда проводил переговоры, когда слушал раскладки Никонова по кредитным предложениям НБР-банка, когда за обедом встречался со своими друзьями.

Юля была не похожа на женщин, с которыми он обычно имел дело. На всех этих избалованных папенькиных дочек, точно знавших, чего они хотят от жизни и от самого Александра.

Павлов любил хороший секс и умелых любовниц. Он никогда не был обделён вниманием противоположного пола и знал, что нравится женщинам.

А эта была какой-то... не такой.

На вечеринке он ясно дал понять, что Юля ему понравилась, уделял ей внимание, почти не отходил от неё. После этого Александр ждал одного результата – номер телефона той, что рассчитывала согреть ему постель в ближайшие пару месяцев.

Юля же, зачарованно смотревшая на него, и подавно должна была желать продолжения знакомства. Но вместо этого она сбежала, не оставив даже намёка, где её искать.

На всякий случай Павлов проверил карманы, надеясь найти там сложенный кусочек бумаги с номером её мобильного. Так уже было пару раз в его практике, когда весьма скром-

ные на первый взгляд девицы, изображавшие из себя недо-
трог, оказывались потом ненасытными фуриями в постели.
И он был даже не против такого варианта.

Но в карманах было пусто. Хотя Александр проверил два-
жды.

Что с этой девчонкой не так?

Павлов решил снова отыскать Юлю на вечеринке, чтобы
сделать то, чего он не делал уже много лет – самому пригласить её куда-нибудь выпить. Но успел только увидеть её, исчезающей в кабине лифта.

Да что за ерунда!

Почему эта девчонка бежит от него? Что с ней не так?

И как же он был рад, что всё-таки решил догнать эту глупышку. Даже страшно подумать, что произошло бы с ней, если б Александр тогда отступился и остался на вечеринке.

Павлов не был излишне религиозен, но сейчас он благодарил бога, что последовал за ней со свойственным ему упрямством и привычкой добиваться своего. Особенно, когда вспоминал, как Юля отдёргнулась от него, когда он всего лишь попытался коснуться её руки уже в безопасности своей квартиры. А ведь самого страшного тогда в парке не произошло...

Ничего, он даст ей время привыкнуть к себе и забыть об этом происшествии. Зато потом наверстает упущенное. Павлов видел, что нравится девчонке. И момент, когда она окажется в его постели, разумеется, был всего лишь вопросом

времени.

А как иначе? У Александра ещё не было осечек.

И наверняка те два-три месяца, что они пробудут вместе, принесут Павлову немало удовольствия. Правда, потом, когда он уже остынет и переключится на какую-нибудь другую цыпочку, Юлия будет страдать, бегать за ним, устраивать некрасивые сцены...

Всё это уже много раз случалось с ним и не приносило Александру большой радости. Но он считал, что за всё в жизни нужно платить. А эти неудобства как раз и были его платой за то, что Павлов позволял каждой из своих пассий верить, что именно она та единственная, с которой он проведёт остаток жизни.

Нет-нет, ничего подобного Александр никогда не говорил, не признавался в любви, не клялся в верности. Просто, когда он начинал новые отношения с женщиной, то проводил с ней практически всё свободное время. Хотя его и было не слишком много.

В отношениях он всегда был верен выбранной женщине и не смотрел по сторонам. Был внимательным любовником, дарил подарки и не жалел денег на их совместное времяпрепровождение.

Разве его вина, что все без исключения женщины принимали такое отношение за любовь? И сами влюблялись в него без памяти, начиная строить планы о красивой свадьбе на

берегу моря?

Обычно это и приводило к постепенному остыванию. Александру становилось неинтересно каждый день видеть влюблённые глаза и выслушивать намёки на то, что пора уже остепениться и купить наконец обручальное кольцо.

Как только очередная кандидатка на его руку, сердце и многомиллионное состояние становилась чересчур навязчивой, Павлов разрывал с ней отношения. Его не трогали ни слёзы, ни упрёки. Как только Александр принимал окончательное решение о разрыве, уже ничто не могло поколебать его.

И Павлов не чувствовал себя виноватым. Разве он говорил о любви? Обещал жениться? Конечно, нет. Женщинам свойственно обманывать себя, но разве это его вина?

Его сердце ни разу не дрогнуло, оно оставалось спокойным даже к самым слёзным мольбам.

Правда, что-то глубоко внутри подсказывало Павлову, что с этой девушкой всё будет сложнее. Он не понимал ещё, чем Юля отличается от его прошлых любовниц. Но вряд ли она сумеет серьёзно усложнить ему жизнь. А что-то новенькое привнесёт интерес в его довольно пресную в последнее время личную жизнь. И Александр отмахнулся от этих предчувствий.

– Эй, о чём задумался? – оторвал его от размышлений голос Игоря. – Надеюсь, о нашем кредите?

Павлов поднял взгляд. Ну вот как можно было посреди

обсуждения будущего их совместного дела унести в мысли о какой-то девчонке?

Оба друга внимательно смотрели на него, явно ожидая ответа на какой-то вопрос, который Александр, задумавшись, не расслышал. Зато ему в голову только что пришла отличная идея.

– Кажется, я знаю, как подобраться к Гейзмону, – улыбнулся он. С каждой секундой идея всё больше и больше ему нравилась. Ведь это была пресловутая ситуация с двумя зайцами, которых можно подстрелить одним выстрелом.

– И как же? – а вот в голосе Дэна могло бы быть поменьше скептицизма.

– Вчера я познакомился с его дочкой... – Павлов выдержал театральную паузу.

Его друзья растерянно переглянулись, и затем Игорь озвучил их сомнения:

– Но в открытых источниках ни о какой дочке не упоминается. У него есть сын, ему двенадцать лет, и он учится в частной школе где-то в Европе или в Америке. Никто точно не знает. Гейзмон скрывает свою личную жизнь от журналистов.

– Странно... – Александр задумался, рассуждая вслух: – Да и фамилии у них разные. Может, внебрачная? Или он её тоже скрывает?

– Подожди, – вдруг вспомнил Дэн, – Это та шатеночка в розовом платье?

– Да, она была хороша... – присоединился к нему Игорь. – Кстати, это не из-за неё ты так прытко ускакал с вечеринки?

Павлов только кивнул. Его друзьям нельзя было отказать в проницательности. К тому же они слишком давно его знали.

– И где она сейчас?

– В моей постели, – ухмыльнулся Александр.

Игорь и Денис дружно присвистнули.

– И, пожалуй, поеду-ка я расспрошу её о Гейзмани. А вы пока изучайте варианты, – Павлов постучал пальцем по папке, в которой находилась собранная его помощником информация, и вышел из ресторана.

В квартире было тихо. Решив, что Юля ещё спит, Александр разулся и почти на цыпочках подошёл к выделенной ей спальне. Задержался снаружи, раздумывая, стоит ли стучать или сразу заглянуть внутрь. Если она спит, он разбудит её своим стуком. Поэтому Павлов тихонько приоткрыл дверь.

Комната была пуста. Кровать аккуратно застелена. И ничто не напоминало о присутствии здесь ночной гостьи. Разве что лёгкий флёр её духов.

Может, она в душе или на кухне?

Павлов открывал одну дверь за другой, но этим только оттягивал признание неприятно кольнувшей правды – Юля снова сбежала от него. И на этот раз её след давно остыл.

На какое-то мгновение внутри полыхнула ярость, захотелось крушить всё вокруг, затем найти мерзавку, посмевавшую пойти против его воли, и наказать. Отшлёпать так, чтобы её ягодицы стали ярко-розового оттенка.

Александр с удивлением взглянул на свои ладони, как наяву ощутившие соприкосновение с нежной кожей, и злость почти тут же отступила.

Откуда эта дикарская реакция? Он же не доисторический человек, который схватил свою самку и запер её в пещере. Александр всегда считал себя цивилизованным и довольно хладнокровным человеком, способным не терять голову и

мыслить здраво в любой ситуации. И вдруг подобные фантазии, в которых, впрочем, было что-то эдакое...

Хладнокровие быстро к нему вернулось, как и способность адекватно мыслить. Но вот желание наказать непослушную девчонку, в который раз оставившую его с носом, напротив, усилилось. Да, наказать... Губы растянулись в хищной усмешке.

Значит, нужно её найти. Ещё ни одна женщина не убегала от Александра Павлова. Это он сбегает от поклонниц, но ни в коем случае не наоборот!

Павлов уже собрался было позвонить в свою службу безопасности, чтобы ему собрали полное досье на Юлию Воронину, но вдруг засомневался. Что если она и вправду дочь Гейзмана? Вряд ли банкир обрадуется, что кто-то копается в жизни его семьи. И стоит ли привлекать излишнее внимание Владимира? Особенно, если Павлов собирается получить у него кредит на выгодных для себя условиях.

Александр убрал телефон и задумался. И всё равно девушку необходимо найти. Во что бы то ни стало!

Если бы в этот момент кто-то спросил, зачем ему так нужно отыскать Юлию, Павлов вряд ли сумел бы внятно ответить. Нужно и всё!

Возможно, здесь сыграло роль уязвлённое самолюбие, или привычка подчинять всех вокруг и подстраивать под себя любыми методами, а может, что-то ещё. Притягательная фантазия, розовые пятнышки, так и стоявшие в глазах...

Александр не хотел об этом раздумывать, вместо этого он запустил кофеварку.

Стоя у окна с чашкой горячего чёрного кофе, он вдруг понял, кто поможет ему отыскать Юлию.

Поставив так и нетронутый кофе в раковину, Павлов обулся и выскочил за дверь.

К дому, где он был вчера на вечеринке, Александр подъехал всего двадцать минут спустя. К счастью, его не остановили за превышение скорости, но он бы не поручился за то, что ни одна видеокамера не зафиксировала его нарушения.

Консьерж, которому накануне вечером Павлов только назвал номер квартиры, куда был приглашён, сегодня заартачился и потребовал ждать, пока он позвонит и спросит, приедут ли Тужинские гости.

Александр представился и стиснул зубы. Вовсе ни к чему было скандалить с пожилым консьержем и объясняться потом с охраной. К счастью, кто-то из Тужинских оказался дома и согласился его принять.

Только в лифте Павлов задумался, что будет делать, если Стеллы не окажется дома. Ведь именно она представила ему Юлию, остальные Тужинские могли попросту не знать её координат.

Но Стелла стояла у раскрытой двери и ждала его. На её губах сияла донельзя довольная улыбка. Павлову даже показалось, что она прекрасно знала, зачем он приехал, и готови-

лась дорого продать информацию. Впрочем, Александр готов был заплатить почти любую цену.

– Привет, – томным голосом произнесла Стелла и призывно улыбнулась.

Павлов напрягся. Похоже, Тужинская всё ещё надеется на возобновление отношений с ним. Как некстати. Он и так чуть ли не с содроганием вспоминал время, проведённое с нею на его яхте в Средиземном море.

Стелла оказалась чересчур навязчивой и ревнивой, она устраивала безобразные сцены по любому поводу и без него тоже. Александр так устал и вымотался, что готов был расцеловать Тужинских-старших, приехавших навестить дочь. Он выдумал срочное дело в Германии и сбежал, оставив их хозяйничать на своей яхте. И считал, что отделался малой кровью.

– Здравствуй, Стелла, – тратить время на общение с ней не хотелось, но он постарался, чтобы голос звучал вежливо. – Ты пригласишь меня войти?

– Конечно, проходи, – ещё приветливей заулыбалась она, так и оставшись стоять в проёме.

Чтобы попасть внутрь, Павлову пришлось бы протиснуться между Стеллой и притолокой. Он не знал, на что рассчитывает Тужинская. Неужели она думает, что, раз мазнув по пиджаку своими сосками, она сумеет снова завлечь его?

Какие женщины всё-таки странные. Нет бы, вытолкать его взащей за то, что бросил её тогда и не вернулся. А она ещё

на что-то надеется. Всё-таки женскую логику ему никогда не постигнуть.

Павлов не двинулся с места, по-прежнему глядя на Стеллу. Она тоже не опускала глаз, явно ожидая, что он сдастся первым. Чёрт, эта сучка совершенно точно знает, зачем он пришёл.

– Мне нужен телефон Юлии Ворониной. У тебя ведь есть её номер? – Александр испытывал раздражение.

А в глазах Тужинской вспыхнуло торжество. Ведь сейчас она была хозяйкой ситуации. А Павлов выступал в роли просителя, хотя и пытался сохранить невозмутимый и независимый вид.

– Допустим, – протянула она с довольной улыбочкой, от которой у Александра сводило скулы. – А что мне за это будет?

Павлов глубоко вдохнул, затем выдохнул и только после этого произнёс:

– А что ты хочешь?

– Ты задолжал мне свидание, дорогой. Я две недели торчала одна на твоей дурацкой яхте, пока родители не увезли меня домой. Практически силой. Ты обещал вернуться и вот наконец вернулся. Так как насчёт сходить куда-нибудь вечером? Только ты и я, – она понизила голос и ещё раз улыбнулась ему.

Александр так сильно стиснул зубы, что у него свело челюсти. Поначалу он собирался послать её куда подальше, по-

тому что ненавидел ультиматумы. Но, чуть подумав, Павлов решил, что один ужин в компании Тужинской он как-нибудь переживёт. Но на большее она может не рассчитывать.

– Хорошо, – процедил он сквозь зубы, – говори номер.

Чем ближе подхожу к дому Тужинских, тем больше понимаю, что откровенно трушу. Даже поджилки дрожат.

А ведь я намеренно пошла через парк, где вчера на меня напали. И даже мимо того самого места. Но сегодня, при свете дня, аллеи и скамейки выглядели донельзя обыденными. И не испытай я на себе ужасы ночной жизни, вряд ли поверила бы, что ходить здесь может быть опасно.

А вот сейчас, глядя на отражение облаков в серо-голубых стёклах небоскрёба, понимаю очень ясно – боюсь. Ещё как боюсь.

Я скрылась вчера с вечеринки, не выполнив поставленных мне условий. Интересно, а если я расскажу Стелле, что провела ночь в квартире Павлова, она сменит гнев на милость? Это, конечно, не номер телефона, но я ведь сбежала от него дважды. Её жажда мести должна быть удовлетворена.

Хотя со Стеллой ни в чём нельзя быть уверенной заранее.

Пока поднимаюсь в лифте, решаю ничего ей не рассказывать. Ведь если упомяну о квартире Павлова, то придётся рассказывать и о происшествии в парке. А я не могу. И не хочу откровенничать с Тужинскими.

Меня встречает София, и я облегчённо выдыхаю. Но, как выясняется, моя радость преждевременна. Стелла появляется, недовольно сверкая глазами.

Я бормочу что-то жалкое о том, что вчера мне стало плохо, поэтому пришлось уйти, но она отмахивается от моих оправданий, словно от назойливого мушиного жужжания.

– Прибери здесь, у тебя осталось всего два часа до приезда родителей. А потом я решу, что с тобой делать.

Стелла уходит, и София, даже не взглянув на меня, следует за ней.

А я иду в кладовку, где оставила вчера свой чемодан, и вытаскиваю его наружу. У меня дрожат руки, приходится сделать над собой усилие, чтобы собраться.

Постепенно привычная рутинная работа помогает мне успокоиться. Я ведь всё уже для себя решила: даже если меня уволят, жизнь не закончится. Что-нибудь придумаю.

В конце концов, можно перебраться в один из городов области. Вряд ли влияние Тужинских распространяется так далеко. А на курсы можно ездить на электричке. Пусть платить в области будут меньше, но ведь и цены на жильё ниже.

Я успокаиваю себя, отвлекая от негативных мыслей. Всё равно ведь мне остаётся только ждать, как всё решится. Я не имею никакой власти над происходящим.

В какой-то момент сквозь гул мне слышатся голоса в прихожей. Выключаю пылесос и прислушиваюсь. Стелла с кем-то разговаривает? Второй голос мужской. Вроде и знакомый, но отсюда не разобрать, чей.

По какому-то наитию опускаю пылесос на пол и осторож-

но двигаюсь на голоса. Мне почему-то кажется очень важным их разобрать и понять, о чём там говорят. Вдруг это как-то связано со мной. Точнее с моим будущим.

Я уже стою почти у выхода из комнаты, как вдруг передо мной вырастает София.

– Ты куда?

– В туалет, – говорю первое, что приходит в голову.

– Сейчас туда нельзя, – выпаливает София.

– Почему? – возникает ощущение, что она намеренно не пускает меня. Ведь туалет для прислуги здесь отдельный, и он в данный момент не может быть занят. Из обслуживающего персонала сейчас в квартире только я.

София задумывается только на секунду.

– Потому что у тебя и так мало времени на уборку. Скоро родители приедут, а у тебя тут конь не валялся, – похоже, она даже верит в то, что говорит.

– Но мне нужно, – продолжаю стоять на своём, вдруг понимая, что мне, и правда, нужно туда.

– Потерпишь, – заявляет София категорично и выходит из комнаты, закрыв за собой дверь.

Вот ведь избалованная стерва! Я вам не крепостная девка, чтобы так со мной обращаться!

Возмущаюсь про себя, но снова включаю пылесос. В чём-то она и права, родители Тужинских скоро вернутся. И если я не успею навести здесь порядок, мало нам всем не покажется.

Когда уже заканчиваю с комнатой, собираю свои флаконы и тряпки, скручиваю шнур пылесоса, входит Стелла. Она улыбается своим мыслям. И вообще, настроение у неё радужно-приподнятое, совсем не то, с каким она меня встретила.

Кто же всё-таки к ней приходил?

– Я тут подумала, – начинает она и смотрит на меня, – что не скажу маме о твоём проступке...

Пылесос так и остаётся у меня в руках, а «спасибо» замирает на языке, потому что она вдруг многозначительно добавляет:

– Пока. Пока ты будешь хорошо себя вести.

Ну всё. Приплыли. Как известно, шантажисты продолжают держать своих жертв на крючке столько времени, сколько им выгодно. А потом чаще всего наступает трагическая развязка.

Стелла теперь постоянно будет держать меня в страхе разоблачения. Я стану бояться собственной тени. И долго ли смогу выдержать нахождение в таком стрессе?

Не знаю, что придало мне сил. Возмущение ли наглым шантажом, близость точки невозврата или то, что вчера в парке я могла распрощаться не только с невинностью, но и с собственной жизнью.

Я выпускаю пылесос, и он с грохотом падает на наборный паркет из морёного дуба.

– Нет! – говорю жёстко, глядя Стелле в глаза. – Больше

никаких угроз! Никакого шантажа! Или же вы немедленно даёте слово, что будете молчать, или я расскажу вашей матери, что это кто-то из вас пил вино в родительской спальне. Причём неизвестно с кем. А вчера вы закатали тут вечеринку, хотя Елена Дмитриевна вас обеих предупреждала, чтобы здесь не было никаких гостей во время их отсутствия.

Вряд ли старшая Тужинская станет меня слушать, но если вдруг узнает о проделках дочерей, обеим сестрицам перепадёт на орехи. И Стелла это понимает. Поэтому и смотрит на меня как на врага народа. Некоторое время ещё неверяще, а затем, к ней приходит понимание, что я говорю всерьёз.

Я выдерживаю её взгляд. Не знаю, что придало мне сил, но рада, что наконец-то дала ей отпор.

И Стелла отступает:

– Договорились. Мы с Софией забываем о твоих косяках, а ты молчишь о том, что здесь происходило, пока мамы с папой не было дома.

Она разворачивается и выходит из комнаты. Спина прямая. Подбородок вздёрнут вверх. Всем своим видом Стелла выражает уверенность в себе. А я вот начинаю сомневаться – стоило ли ссориться со старшей дочерью моей работодателя, от которой почти напрямую зависит, будет у меня в обозримом будущем эта самая работа, или нет.

Но и поступить иначе я не могла. Снова позволить вытирать о себя ноги? Да сколько уже можно-то? Крепостное право у нас давно отменили, и я свободный человек. С чувством

собственного достоинства.

Да. Я всё правильно сделала. Вот только нажила себе опасного врага. Но и Стелла теперь знает, что у меня тоже есть зубы.

Остаток времени меня никто не беспокоит, и я спокойно убираю квартиру. Затем собираю свои вещи в чемодан и качу его к лифту.

Внизу чуть не попадаюсь навстречу лимузину Тужинских. Но, к счастью, успеваю спрятаться за колонной.

Такси подъезжает через несколько минут. И я смотрю на часы. Всё в порядке, по времени укладываюсь. И успеваю на вечернее занятие на курсах.

Мастер рассказывает о драматических ситуациях, в которые мы должны помещать героев своих сценариев. Но я слушаю не слишком внимательно. Думаю, о своей ситуации, которая тоже весьма драматическая. Вот только непонятно, кто меня туда поместил и зачем.

Да и вообще, за последние два дня на меня свалилось столько стресса, что мне вполне хватило бы и на два года.

Занятие заканчивается. Я записываю задание и, бросив конспект в сумку, выхожу из аудитории. На улице меня встречает яркое сентябрьское солнце, и я на мгновение оста-навливаюсь, жмурясь от удовольствия. Всё-таки в Москве мне не хватает нашего южного солнышка.

– Привет, – знакомый голос обволакивает меня бархатистыми переливами.

Замираю над раскрытой сумкой, не решаясь поднять глаза. Ведь можно же сделать вид, что я его не заметила?

Но Павлов не позволяет этой мысли даже оформиться:

– Ну сколько можно от меня бегать, Юля?

Кажется, это первый раз, когда он называет меня по имени. И от этого звука по коже пробегает волна мурашек.

Я поднимаю на него глаза. Александр стоит совсем рядом, я даже улавливаю его неповторимый мужской аромат, поэтому стараюсь не дышать в полную силу. Он также потрясающе

красив. На нём голубая рубашка и тёмно-серый блейзер с за-
сученными рукавами, брюки на пару тонов светлее. А солн-
цезащитные очки придают ему вид фотомодели с плаката.

Заставляю себя отвести взгляд в сторону, чтобы не стоять
перед ним с раскрытым ртом и глупым выражением на лице.

– Привет, – отвечаю это, скорее, стене здания высших кур-
сов, которую с интересом рассматриваю. Конечно, ремонт
бы тут не помешал, вон уже штукатурка потрескалась... И
тут до меня доходит: – А как ты меня нашёл?

– Твоя подруга подсказала, – отвечает Павлов так спокой-
но, словно это самая обыденная вещь – разыскать меня на
курсах, о которых... кто, вообще, может знать о них здесь?

– Какая подруга? У меня нет подруг, – напрягаюсь ещё
больше, потому что в этом городе я так и не успела ни с кем
подружиться.

И словно опровергая мои слова, нас, так и продолжаю-
щих стоять на дорожке, обходят пятеро моих будущих одно-
группников, и практически каждый говорит что-то одобри-
тельное о моём последнем сценарии. Я киваю каждому, от-
вечаю «спасибо» и «пока» или «увидимся». И чувствую при-
стальный насмешливый взгляд. Александр как будто поймал
меня на лёгком обмане. Словно я убеждала его в своей нелю-
димости, а он воочию убедился в обратном.

Ты ещё не знаешь, что на самом деле я обманула тебя го-
раздо циничнее. Мне приходит в голову вот прямо сейчас
рассказать ему, что я совсем не та, за кого он меня прини-

мает, и посмотреть, как быстро изменится его отношение.

Но в этот момент Александр говорит то, от чего я забываю о наивном желании признаться.

– Стелла Тужинская, – произносит он. – Вы ведь дружите?

– С чего ты взял? – моё удивление так искренне, что и Павлов начинает сомневаться.

– Но ведь ты была у неё на вечеринке, да и утром, на парковке, ты сказала, что приезжала к друзьям. Я ведь правильно понял, что к Тужинским? Или ты знакома с кем-то ещё из того дома?

Ну конечно, Павлов послушал мои отговорки и дедуктивным методом сделал совершенно неправильный вывод. Хотя, что ещё он должен был подумать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.